

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Политическая
наука 2** *2012*

**ИДЕИ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ**

МОСКВА
2012

Дмитрий Валерьевич Ефременко
Политическая наука № 2 / 2012 г.
Идеи модернизации в политической
науке и политической практике
Серия «Журнал «Политическая наука»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10305294
Актуальные проблемы Европы 2010 – №2: ИНИОН РАН; Москва; 2010
ISBN 2010-2*

Аннотация

Рассматриваются развитие концепций модернизации и связанные с ними современные дискуссии в политической науке. Анализируется использование идей модернизации в политической практике и государственном управлении в различных социокультурных контекстах. Особое внимание уделяется проблематике модернизации в условиях посткоммунистических трансформаций.

Для политологов, социологов, историков.

Содержание

Об авторах	4
Введение	5
Евросоюз – основные вопросы политической консолидации после принятия Лиссабонского договора	8
Консолидация Европейского союза	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Актуальные проблемы Европы 2010 – №2

Об авторах

Андросова Дарья Николаевна – младший научный сотрудник ИНИОН РАН.
androssova@mail.com

Androssova D.N. – Junior researcher of INION, RAS.

Бабынина Людмила Олеговна – научный сотрудник Отдела изучения европейской интеграции Института Европы РАН. l.babynina@rambler.ru

Babynina L.O. – Researcher of European Integration Division, Institute of Europe, RAS.

Кавешников Николай Юрьевич – зав. Центром политической интеграции Института Европы РАН; доцент МГИМО (У) МИД России, кандидат политических наук.
nicandrr@mail.ru

Kaveshnikov N.Y. – Director of the Political Integration Center at the Institute of Europe RAS, Ph.D., senior lecturer of MGIMO (U), MID Russia.

Кюнхардт Лудгер – доктор философии Боннского университета, профессор Института политических наук и социологии Боннского университета, директор Центра исследований европейской интеграции при Боннском университете.

imaldona@uni-bonn.de

Kühnhardt Ludger – Professor, Director at the Centre for European Integration Studies (ZEI), University of Bonn.

Маркетти Андреас – доктор философии Боннского университета, научный сотрудник Центра исследований европейской интеграции при Боннском университете. marchetti@uni-bonn.de

Marchetti Andreas – Ph.D. (Bonn university) Researcher at the Center for European Integration Studies, University of Bonn.

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.
pogorelskaja@inion.ru

Pogorelskaja S.V. – senior researcher, INION, RAS, Ph.D. (political science), Ph.D. (Phil.).

Потемкина Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения европейской интеграции Института Европы РАН. olga_potemkina@mail.ru

Potemkina O.Y. – Head of the European Integration Department, Institute of Europe, RAS, Ph.D. (history).

Ренверт Николь – научный сотрудник Фонда науки и политики в Берлине. swp@swp-berlin.odg

Renvert Nicole – Researcher, Science and Politics Foundation in Berlin.

Введение

Цель предлагаемого выпуска журнала – познакомить читателя с важнейшими политическими вопросами современного этапа европейской интеграции. Постепенное и последовательное движение в сторону политической интеграции было намечено еще в 1972 г., когда из названия «Европейское экономическое сообщество» было убрано слово «экономическое». Принятые в феврале 1986 г. Единые общеевропейские акты зафиксировали образование внутреннего рынка, свободу передвижения лиц, товаров и услуг. Своего апогея экономическая интеграция достигла после введения единой валюты – «евро» (Маастрихтский договор 1992 г.). К этому времени возможности качественного совершенствования экономической интеграции на базе действовавших институтов ЕС были исчерпаны, и дальнейшее развитие интеграционного процесса могло происходить преимущественно за счет количественных изменений – приема новых членов, расширения еврозоны и т.д. Маастрихтский договор выразил твердую волю западноевропейских государств двигаться к созданию единой структуры, которая в соответствии с положением Римских договоров о «все теснее сплачивающемся Сообществе» открыла бы его участникам дорогу к качественно новому этапу европейской интеграции – политическому объединению. Европейское сообщество трансформировалось в Европейский союз: были согласованы структурные изменения в целях создания единого политического пространства (формирование общей внешней и оборонной политики, внутривластическое сотрудничество).

Стремительные по сравнению с прошлыми десятилетиями темпы интеграции – Маастрихт, Амстердам (1997), Ницца (2000) – в сочетании с беспрецедентным территориальным расширением породили неоправданную «европолитическую» эйфорию элит и укрепили позиции сторонников «Федеративного государства Европы». Евросоюз решил шагнуть в качественно новую эру.

Реформирование институтов Евросоюза – процесс постоянный и неизбежный в этом наднационально-межгосударственном образовании, успешно развивающемся, непрерывно расширяющемся, но еще не определившем ни своей конечной цели, ни границ, ни того, что оно собой представляет в настоящее время и чем оно в конечном счете хочет стать. Институты преобразовывались и совершенствовались на принципах, заложенных еще во времена ЕЭС, а их дуализм отражал наднационально-межгосударственную двойственность ЕС.

Декларация о будущем Европейского союза, подписанная 15 декабря 2001 г. в Лаэкен (Бельгия), положила начало качественной реформе европейских институтов. Ее воплощением стала «Конституция Европы», подписанная в 2004 г. и ратифицированная Европарламентом в 2005 г. В этом документе, как по содержанию, так и по объему принципиально отличавшемся от всех предыдущих общеевропейских договоров, отразилось стремление сторонников более тесной политической интеграции форсировать движение Евросоюза в сторону «Федерального государства Европы». Как известно, этот договор – не в последнюю очередь в силу своих «конституционных» претензий – потерпел фиаско в процессе его ратификации в 2005 г. и в силу не вступил. Лиссабонский договор, вынесенный на суд европейских государств в 2007 г. и вступивший в силу 1 декабря 2009 г., в своих важнейших положениях следует духу «Конституции», однако не содержит испугавших европейскую общественность «конституционных» претензий.

Поскольку процессы политической консолидации в Европе в последние два года в той или иной степени были завязаны на ратификацию Лиссабонского договора, большинство статей этого журнала так или иначе касается этой темы. В статье С.В. Погорельской (ИНИОН РАН) предпринята попытка сформулировать основные проблемы, с которыми придется столкнуться «постлиссабонскому» Евросоюзу. О договоре как таковом идет речь в ста-

тье «Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС», написанной Ю.Н. Кавешниковым (Институт Европы РАН). По мнению российского исследователя, Лиссабонский договор стал «свидетельством непреодоленных противоречий» и дает основание предположить, что имеет место стагнация интеграционных процессов.

Реформе «пространства свободы, безопасности и правосудия» в соответствии с Лиссабонским договором посвящена работа О.Ю. Потемкиной (Институт Европы РАН). Политические аспекты некоторых экономических проблем рассматриваются в статье «Применение гибкой интеграции в рамках Экономического и валютного союза ЕС», подготовленной Л.О. Бабыниной (Институт Европ РАН).

Процессам политической консолидации в Евросоюзе посвящена статья немецкого исследователя Л. Кюнхардта (Боннский университет) «Консолидация Европейского союза», написанная специально для журнала. Особое внимание автор уделяет роли Европарламента, который, по его мнению, на сегодняшний день является гораздо более влиятельным и сильным, чем когда бы то ни было. «Однако, – сетует автор, – в восприятии широких масс населения стран – участниц ЕС он по-прежнему остается чем-то второстепенным по сравнению с межгосударственными механизмами принятия решений и с Еврокомиссией». Причину этого немецкий исследователь видит в опосредованности демократической легитимации Европарламента, отсутствии общеевропейских партий, которые, по образцу национальных партий, могли бы вести предвыборную борьбу в масштабах всего ЕС. Однако, справедливо отмечает Л. Кюнхардт, «пока что политические элиты Евросоюза и его членов не готовы к такому радикальному переходу от привычной “культуры общеевропейского согласия” к политической борьбе по образцу национальных политических структур». Существуют, замечает Л. Кюнхардт, и другие причины, препятствующие процессам консолидации, например, склонность к консенсусным решениям в ущерб живой общеевропейской дискуссии о будущем Евросоюза. Политическая консолидация – это творческая задача, считает немецкий исследователь. «Культурная Европа, – заключает Л. Кюнхардт, – уже сложилась и продолжает развиваться, политическая же Европа находится в стадии становления. В данной ситуации возникает необходимость по-новому определить общеевропейскую политическую культуру».

Одной из ключевых в нынешних дискуссиях о политической консолидации ЕС является проблема «европейской идентичности». Эта тема многослойна – она включает такие аспекты, как выявление общеевропейских ценностей, формирование единой политической культуры и так называемой «общей культуры памяти», о которой так много говорят в Европе в связи с различными позициями в оценке последствий Второй мировой войны. Между тем российские исследователи недооценивают значение этой темы занимаясь, по большей части изучением европейских институтов, политической и экономической деятельности ЕС. Попытка частично восполнить пробел в освещении этой проблемы предпринята Д. Андросовой (ИНИОН РАН), работа которой посвящена обзору ряда публикаций по проблеме «европейской идентичности».

Известно, что Европа претендует, и не без основания, на роль одного из глобальных акторов в мировой политике. Необходимое условие глобальной дееспособности – единая внешняя и оборонная политика. Однако возможна ли единая внешняя политика, не говоря уж о геополитике, в условиях, когда не определены собственные географические и политические границы? Немецкий исследователь А. Маркетти (Боннский университет) в статье «Европейская политика соседства – политическая консолидация с препятствиями», написанной специально для журнала и ориентированной на менее информированного, нежели европейские эксперты, в этих вопросах российского читателя, обращается к чрезвычайно острому вопросу: как соотносить «политику соседства» с формирующейся совместной внешней политикой Евросоюза и с «политикой расширения»? С одной стороны, «политика соседства» необходима, поскольку она организует пространство вокруг Евросоюза, с другой – она

предполагает проведение четких географических и политических границ «Европы». «Европейская политика соседства, – пишет автор, – должна стать заменой политики расширения и имеет шанс занять важнейшее место в системе внешних сношений ЕС». Главное, заключает А. Маркетти, чтобы эта политика была «привлекательной для соседей» и «приспособлена к потребностям каждой конкретной страны».

Во внешней политике национальных государств большую роль в последнее десятилетие стали играть негосударственные акторы – неправительственные организации (НПО). Способен ли Евросоюз развивать аналогичные инструменты для своей общей внешней политики, находящейся в стадии становления, или по крайней мере эффективно использовать имеющийся в его распоряжении неправительственный инструментарий стран – участниц ЕС? Немецкая исследовательница Николь Ренверт (Фонд науки и политики) в статье «Евроатлантическое измерение работы германских политических фондов и его роль в процессах политической интеграции ЕС» обращается, как видно уже из названия, к опыту германских политических фондов – уникальных организаций, работающих на стыке официальной политики и «околополитической» зоны.

Разумеется, тема политической консолидации весьма объемна и охватить ее в рамках одного выпуска журнала не представлялось возможным. Составители данного выпуска предприняли попытку обратить внимание только на самые актуальные аспекты заявленной темы. Несомненно однако, что коллектив редакции «Актуальных проблем Европы» будет внимательно следить за развитием процессов политической консолидации в Евросоюзе и возвращаться к этой теме по мере того, как положения вступившего в силу Лиссабонского договора начнут воплощаться в жизнь.

С.В. Погорельская

Евросоюз – основные вопросы политической консолидации после принятия Лиссабонского договора

С.В. Погорельская

Аннотация. Основное внимание автор уделяет проблемам, с которыми неизбежно столкнется Европейский союз после ратификации Лиссабонского договора. В их числе – дефицит демократии, отчуждение граждан от общеевропейской идеи, определение политических границ Европы, конечной цели интеграционного процесса.

Abstract. The author pays principal attention to problems which the EU will face inevitably after ratification of Lisbon Treaty. The problems include deficit of democracy, estrangement of citizenry from All-European idea, definition of European political borders and final goal of integration process.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, Лиссабонский договор, дефицит демократии, европейская идентичность, определение политических границ.

Keywords: European Union, integration, Lisbon Treaty, deficit of democracy, European identity, political borders.

Сторонники ускоренной европейской интеграции любят цитировать слова Жака Делора (председатель Европейской комиссии с 1985 по 1995 г. и один из инициаторов валютного союза) о том, что «Европа подобна велосипеду. Остановишься – упадешь» [«L'Europe, c'est comme une bicyclette»].

Европейскому процессу действительно случалось стагнировать, как, например, в 70-е годы (фаза так называемого «евросклероза»), но он никогда не совершал движения в обратном направлении. Вступив на путь интеграции, Европа никогда не ставила под сомнение основополагающую ценность и значимость своего выбора. Однако если во времена конфронтации блоков каждый новый шаг совершался основательно и с осмотрительностью, то в 90-е годы Евросоюз решительно двинулся за пределы своих границ. По мере увеличения количественного состава Евросоюза становилась очевидной необходимость качественной модификации существующих европейских институтов, их приспособления к изменившимся реалиям мирового политического процесса.

Евросоюз переживал не только кризис институтов, но и кризис идентичности. Истоки процессов европейского единения коренились в эпохе холодной войны, его демократическая легитимация была завязана на условия эпохи биполярного мира с его блоковой конфронтацией, его политическая жизнеспособность и успехи были обусловлены так называемой «угрозой с Востока», противостоять которой западноевропейские государства могли лишь вместе. Последним общеевропейским документом, черпавшим свою политическую силу в прошедшей, но еще живой в памяти Европы эпохе конфронтации, был Маастрихтский договор 1992 г., ознаменовавший завершение формирования внутреннего рынка, создание валютного союза и расширение ЕС. Последующие договоры – Амстердам (1997) и Ницца (2000) – не меняли архитектуры общеевропейского здания, а лишь вносили дополнительные детали или поправки. Поэтому в начале нового тысячелетия Евросоюзу было жизненно важно по-новому легитимировать свое существование в глобализирующемся мире.

18 июня 2004 г. руководители 25 государств – членов ЕС единогласно приняли новый общеевропейский договор, который должен был не только урегулировать отношения в расширившемся Евросоюзе, но и положить начало принципиально новому этапу европейской интеграции [Погорельская, 2005а; Погорельская, 2005б]. «Конвент» под руководством убеж-

денного европейца Валери Жискара д'Эстена разработал даже не договор, а «Конституцию для Европы». Название было символично: конституция не принимается в межгосударственных образованиях, она предполагает наличие государства и народа. Евросоюз должен был сделать первый шаг на пути от «Союза европейских государств» к «Союзному государству Европы». Конституцию, которую сам Жискара д'Эстен окрестил «последним шансом Европы» [Giscard d'Estaing], приняли с большой помпой в Риме, где в свое время были подписаны договоры, положившие начало европейской интеграции. Конституция должна была вступить в силу в 2007 г. – в 50-летний юбилей Римских договоров, символизируя успешное начало новой европейской эры. 25 января 2005 г. Конституция была ратифицирована Европарламентом и отправлена «в люди» – на суд национальных парламентов. Там она и погибла. Французское «нон» и нидерландское «нее»¹ положили конец честолюбивейшему из всех европейских проектов, попытке одним лишь волевым решением европейских элит перевести возросшее количество государств – членов ЕС в новое общеевропейское политическое качество.

Судьба Конституции весьма поучительна. Она появилась на свет преждевременно – в обстановке эйфории, возникшей после «геополитической победы» (именно так расценивали тогда «расширение на Восток»), на волне «головокружения от успехов». Она еще не успела дойти до народов Европы, а ее уже захвалили с высоких трибун. Все споры и дебаты, предшествовавшие ее рождению в годы работы Конвента, утихли после подписания документа: в большой политике европейских государств, как заклинания, зазвучали слова о глубочайшей важности нового договора, его основополагающем значении, насущной необходимости, объективной неизбежности, о невозможности отказа от него. Дискуссии по поводу договора были перенесены в научную публицистику, в которой эксперты комментировали институционные новшества, вводимые договором, а также в локальную политику, где лидеры популистского толка, борясь за голоса избирателей, умело играли на их страхах перед глобализацией, неолиберализмом, потерей национальной и культурной идентичности. Таким образом, евроэлиты заранее прославили Конституцию как судьбоносное событие, а оппозиционные силы всех мастей – от правых националистов до коммунистов и антиглобалистов – заранее напугали ею граждан практически в каждой европейской стране. Не успев показать себя, она уже стала символом, для одних – прогресса Европы, для других – ее конца. Документ с такой тяжелой судьбой не имел шансов на долгую политическую жизнь.

Однако смерть Конституции вовсе не означала смерти европейской идеи или же новой фазы «евросклероза». Напротив, это был шанс остановиться и подумать. Явился ли Лиссабонский договор (который критики сразу же окрестили «похудевшей Конституцией») результатом подобных раздумий – сказать трудно. Несомненно одно – некоторые уроки, преподнесенные гражданами Европы своим правительствам и евроэлитам, были учтены. Новый договор явился в политический мир тихо, без излишней помпезности, не претендуя быть чем-то большим, нежели тем, что он есть, – документом, регулирующим функционирование институтов в Европе 27 государств². Удалось ли Евросоюзу, решившему на время институционный вопрос, преодолеть те глубинные проблемы, которые обрекли на неудачу амбициозный «конституционный» проект? В состоянии ли «постлиссабонский» ЕС ликвидировать дефицит демократии и преодолеть возросшее отчуждение граждан от общеевропейской идеи, определиться с тем, что представляет собой единая Европа, где лежат ее политические границы и чем она в итоге хочет стать? Ведь создание новых институтов – это не самоцель, а лишь средство для достижения цели.

¹ На референдуме во Франции летом 2005 г. против проголосовали 54,87 %, в Нидерландах – 61,6 %.

² Основные положения Лиссабонского договора и его соотношение с Конституцией в данном сборнике подробно рассматривает Н.Ю. Кавешников в своей статье «Лиссабонский договор и его последствия для развития ЕС».

Все прошедшие десятилетия стратеги европейского единства следовали (как предлагал в свое время первый президент ЕЭС Вальтер Хальштейн) «логике интеграционных процессов», которая подчинялась реальным экономическим и политическим интересам членов Европейского сообщества. Однако с окончанием эпохи противостояния блоков эта логика постепенно начала обретать собственную динамику, причем такую, которую сложно было обосновать логически. В годы противостояния блоков идеология лишь обслуживала реальную политику, в 90-е же годы, когда ЕС в беспрецедентном геополитическом прыжке рванулся на восток Европы, на какое-то время верх над политическим реализмом взяли стереотипы холодной войны и миф о «русской угрозе». Когда «головокружение» от успехов прошло, ЕС, обогатившийся новыми, экономически бедными, но политически своеобразными и гордыми собой восточноевропейскими членами, увидел себя на развалинах своей Конституции, а у новых восточных и юго-восточных границ стояли новые желающие и требовали продолжения той «логики интеграционных процессов», которая обосновывала расширение. Действительно, чем они были хуже принятых в Европу? В политическом багаже их элит был тот же стандартный набор: образ «русского врага» и стремление примкнуть к Западу.

Однако, поддавшись стремлению расширяться на восток, Евросоюз попал в ловушку. Он не мог остановить процесс расширения, не отступив от выработанной в 90-е годы «логики интеграционных процессов». Он не мог отказать государствам, географически относящимся к Европе, в четкой европейской перспективе, не продемонстрировав своей идейно-политической несостоятельности. Ведь именно полифоничность «европейской идеи», перманентная незавершенность европейского процесса способствовали его политической привлекательности. Установив границы, Евросоюзу пришлось бы распрощаться с сослужившим ему добрую службу имиджем открытого, демократического сообщества государств и признать себя чисто утилитарной структурой с неоимперскими замашками. Но даже приняв эти государства, Евросоюзу не избежать идейной несостоятельности – экономические и политические трудности, связанные с новой волной расширения, неизбежно повлекут за собой очередной общеевропейский «кризис жанра», не только на внешне-, но и на внутривнутриполитическом уровне.

Вопрос политических границ остается важнейшим для «постлиссабонской» Европы. Останься европейское сообщество экономическим, не претендуй оно на то, чтобы стать «все теснее сплачивающимся союзом», о чем было сказано уже в преамбуле Римских договоров, оно еще могло бы позволить себе «безграничность». Однако, назвавшись Европейским союзом, оно вступило на путь политической интеграции. И чем бы оно ни мечтало стать в конце своего пути – федеративным государством, федерацией государств, «государством государств и народов» или же *sui generis* беспрецедентной структурой, не определяемой привычными понятиями политической лексики, оно никогда не консолидируется, если в основу его будет положен принцип «безграничности». Тот, кто не в состоянии отграничить себя от окружающего пространства, не сможет стать субъектом мирового политического процесса.

Чаще всего предлагается совместить политические границы с географическими. Как утверждают сторонники такого подхода, «других границ, позволяющих объяснить, почему именно здесь остановлено расширение, просто не существует» [Kielmansegg]. Но соответствия географические границы Европы с политическими границами стремящихся в нее государств не всегда представляется возможным. С реально-политической точки зрения Евросоюз предпочел бы держать эти государства в качестве «буфера» между собой и нестабильным миром. С этой целью несколько лет назад и была разработана и введена в действие «политика соседства»³. Однако лишить «соседей» европейской перспективы, катего-

³ Подробно о проблемах политики соседства см. статью Андреаса Маркетти «Европейская политика соседства – политическая консолидация с препятствиями», опубликованную в данном журнале. Установки ее стратегов можно уло-

рически заявить, что на их границах «заканчивается Европа», – значит дестабилизировать эти страны, нанести удар по их прозападным элитам, держащимся у власти главным образом за счет обещаний привести свои народы в цивилизованный и благополучный Евросоюз. Одной из причин расширения ЕС было стремление стабилизировать ставшее «ничейным» после развала СССР пространство на Востоке Европы. Именно перспектива вступления в ЕС оказалась наиболее действенным инструментом демократических структурных преобразований в этих странах. Те политики, у которых «душа болит» за «пропадающие» для Европы территории на постсоветском пространстве, считают «исторической ошибкой» отказ дать Украине четкую европейскую перспективу и упрекают Евросоюз в «новом, западноевропейском изоляционизме» [Umland].

Особенно проблематична в этом контексте ситуация с Турцией. Отказать ей в приеме, ссылаясь на географию, – значит свести на «нет» все многолетние усилия интегрировать эту важнейшую с геополитической точки зрения страну в европейскую сферу влияния. История Турции прошедших веков была историей ее борьбы с Европой – именно поэтому Европа не может позволить себе сейчас потерять «прирученную» обещанием европейской перспективы Турцию. Да и с остальными странами, стучащимися в европейскую дверь, ситуация не лучше: отказать им – значит оставить их в мире, где господствуют отношения, основанные на балансе сил (*balance-of-power policy*), где соперничают национальные государства, где заключаются и распадаются временные альянсы. И если Европа откажется от этих стран, они либо сами со временем превратятся в региональные центры силы, как Турция, либо попытаются присоединиться к другим, более сильным акторам глобального политического процесса, скорее всего к США или к России.

В «постлиссабонской» Европе политикам предстоит подумать о том, как «экспортировать» в соседствующие с ЕС пространства европейскую стабильность, но без того, чтобы раздавать обещания членства в ЕС. «Политика соседства» сможет оправдать себя лишь после окончательного определения границ. После этого Евросоюзу предстоит найти адекватное соотношение между «политикой соседства» и внешней политикой.

Одной из важнейших проблем «постлиссабонской» Европы по-прежнему остается формирование пусть не подлинно единой, но хотя бы совместной внешней политики. Евросоюз давно уже мечтает стать реальной силой мирового политического процесса, «говорить одним голосом» (еще одно крылатое выражение). Однако, несмотря на создание соответствующих институтов, именно в вопросах внешней политики говорить «одним голосом» не удавалось, поскольку это измерение деятельности Евросоюза не входило в компетенцию Комиссии. Внешнюю политику определяли государства – члены ЕС, поэтому в ответ на внешнеполитические вызовы Евросоюзу вместо одного голоса чаще всего (особенно после расширения) звучала разноголосица.

Лиссабонский договор старается решить эту проблему путем создания новых институтов. Вводя пост Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности, являющегося одновременно вице-председателем Комиссии, Лиссабонский договор кладет конец малополезному сосуществованию постов комиссара по внешним связям и полномочного по внешним сношениям, сводя их воедино. Новый пост президента (или председателя) Европейского совета, избираемого на 2,5 года (раньше председательство в Совете менялось каждые шесть месяцев), также должен способствовать более последовательному представительству интересов ЕС на международной арене. Разумеется, внешняя политика останется межгосударственным делом, да и президент Европейского совета будет влиятелен лишь настолько, насколько это позволят члены Совета. Евросоюзу не нужен сильный руко-

вить, уже анализируя их понятийный аппарат, например, понятия «ближней» и «дальней периферии», которыми они награждают страны за пределами ЕС.

водитель, ему нужен опытный посредник между государствами-членами, поскольку сила ЕС – не в полномочиях отдельной личности, а в единстве составляющих его сил. Поэтому «закаленный» сложными реалиями бельгийской внутренней политики Ван Ромпей и стал лучшим кандидатом на этот пост.

Созданная согласно параграфу 27 договора новая Европейская служба внешних сношений, подчиненная Высокому представителю по внешней политике, пока что занимается преимущественно организационными вопросами, учитывая, что она будет насчитывать более 7000 сотрудников и располагать немалыми средствами. Впрочем, уже до ее создания ЕС имел за рубежом 130 «делегаций» («представительств»), занимавшихся вопросами торговли, политикой развития и «политикой соседства». Эти «делегации» будут преобразованы в «посольства». Однако где именно будут проходить границы между национальными дипломатическими корпусами и общеевропейской дипломатией, пока не ясно. Правительства членов ЕС хотели бы, чтобы эта служба, официально стоящая в подчинении Высокого представителя по внешней политике, была независима от Комиссии и от парламентариев, а те, в свою очередь, хотели бы попытаться подчинить ее если и не своему влиянию, то хотя бы своему контролю. Новой общеевропейской внешней политики можно ожидать лишь после решения организационных вопросов и окончательного распределения компетенций. Демократическая легитимация этой политики будет, разумеется, не «общеевропейской», а национальной.

Национальные интересы, обусловленные не только современными реалиями, но и историческим опытом, сложно привести к единому знаменателю. Это подтверждают не только различия в позициях по внешнеполитическим вопросам (в особенности между «старой» и «новой» Европой), но и различные установки в вопросах дальнейшего развития Евросоюза. Начиная свое расширение на восток, ЕС, обосновывая свое решение, еще мог придериваться старой, времен холодной войны, формулировке Робера Шумана (1963): «Мы хотим единства свободной Европы не только для нас, но и для тех, ныне угнетенных, которые, освободившись от гнета, будут стремиться к вступлению в нее» [Zitaten]. Однако «угнетенные», после того как их стремление попасть в европейский рай было удовлетворено, активного стремления слиться с европейской семьей не продемонстрировали. Во внешней политике национальные приоритеты для них стояли выше интересов Европы, да и в вопросах интеграции преобладал евроскептицизм. Некоторые из них – в ущерб европейскому единству – заикнулись в отношениях со своими соседями на конфронтационных моментах истории. «Новые европейцы» из стран Балтии принесли с собой в Европу неприязнь к России, граничащую с политической иррациональностью. «Очевидно, страх балтийских стран перед Россией, – считают европейские наблюдатели, – сильнее их доверия к Евросоюзу» [Arnold]. Для немцев же, потративших на рубеже 90-х годов немало сил на оказание помощи Польше, неприятной неожиданностью оказалась историческая злопамятность поляков, проявившаяся по ходу работы над текстом Лиссабонского договора (попытка польской делегации представить спор о «двойном большинстве» как «германско-польское разногласие»), и их неготовность к компромиссу в вопросах увековечивания памяти гражданских жертв Германии во Второй мировой войне. Ныне страны европейского ядра озабочены не столько помощью «новым европейцам», сколько тем, чтобы эти «европейцы» не блокировали дорогу Европе к политическому единству. Между тем двумя последними странами, ратифицировавшими Лиссабонский договор, были именно «новые европейцы» – Польша и Чехия. Причем Чехия затянула ратификацию настолько, что Евросоюз оказался перед угрозой институциональной стагнации – сроки полномочий прежней Комиссии истекли, а новая могла быть собрана лишь после вступления в силу Лиссабонского договора. И у Польши, и у Чехии были свои, особые причины, побудившие их – под угрозой отказа от ратификации – требовать для себя исключительных условий. Польша, которая, как и Великобритания, еще в 2007 г. настояла

на том, чтобы не признавать правовую обязательность Хартии основных прав, дождалась решения Ирландии и ратифицировала договор лишь после результатов повторного ирландского референдума. Чехия же настаивала на том, чтобы ей, как Польше и Великобритании, разрешили не признавать обязательность Хартии основных прав. А осенью 2009 г. Чехия в качестве условия ратификации Лиссабонского договора потребовала дополнить его специальным приложением, гарантирующим правомочность так называемых «декретов Бенеша», узаконивших послевоенную экспроприацию и изгнание судетских немцев и являющихся составной частью современного чешского законодательства. Президент В. Клаус опасался, что в противном случае потомки более 3 млн. судетских немцев, сразу после Второй мировой войны экспроприированных и изгнанных из Чехословакии в Германию, могут потребовать от Чехии имущественной компенсации на европейском уровне в обход действующего чешского права. Словакия задумалась над этой проблемой уже после того, как ратифицировала договор, и задним числом поддержала Чехию, поскольку сама боялась аналогичных исков со стороны венгров. В итоге Чехия тянула с ратификацией до тех пор, пока ее Конституционный суд не подтвердил приемлемость этого договора для чешского законодательства.

Вопрос о приоритете европейского права и влиянии европейских правовых норм на национальные конституции волновал и некоторые государства «старой» Европы. В Германии Конституционный суд еще в 1993 г. в своем решении по Маастрихтскому договору определил границы передачи национальных компетенций Брюсселю. В 2009 г. Конституционному суду пришлось собираться еще раз, чтобы по иску депутата от ХСС П. Гаувайлера проверить, не аннулирует ли Лиссабонский договор законодательные компетенции Бундестага. Евроскептиков беспокоило то, что, согласно договору, ЕС сможет в будущем расширять свои компетенции в целом ряде важнейших вопросов внутриевропейской политики, не внося соответствующих изменений в текст договора, а также что договор может обеспечить приоритет новых европейских нормативов над национальным правом. Более того, оспаривать такую ситуацию парламенты затронутых государств должны будут не в своих конституционных судах, а опять-таки только в Европе – перед Европейским трибуналом (Судом ЕС), который и без того уже претендует на роль «мотора интеграции», а потому вряд ли будет снисходителен к искам национальных парламентов. 30 июня 2009 г. Конституционный суд принял спорное, с точки зрения правоведов-европеистов, решение, оценив немецкий «Сопроводительный закон к Лиссабонскому договору», легитимирующий эти нововведения, как несовместимый с немецким Основным законом (Конституцией ФРГ). Конституционный суд, с одной стороны, признал правомочность Лиссабонского договора, расширяющего компетенции ЕС в сферах обороны, внешней торговли, уголовного права и социальной политики. С другой – указал, что в случае, если Европа пойдет путем создания «Федеративного государства», решение о вступлении в это государство в Германии будут принимать не правительство и не парламент (как это было до сих пор во всех основополагающих вопросах европейской политики), а граждане на всенародном референдуме. Таким образом, перспектива «растворения» в гипотетических «Соединенных Штатах Европы» Германии не грозит. Новый же «Сопроводительный закон» сохранил за Бундестагом значительно больше прав, чем предполагалось изначально. Кроме того, Конституционный суд еще раз подчеркнул, что, несмотря на расширение компетенций Евросоюза в вопросах обороны, бундесвер был и останется «парламентской армией» – без решения Бундестага он не сможет принимать участия в зарубежных военных акциях общеевропейского масштаба, если таковые будут.

Дискуссия о том, в каком соотношении европейское право должно находиться с правом национальных государств, символична для нынешней фазы развития ЕС. Она отражает основополагающую проблему ЕС, существовавшую изначально и обострившуюся ныне, когда процессы политической консолидации поднимаются на качественно новую ступень. Это – вопрос конечной цели этих процессов. Странники «открытости» европейской идеи

утверждают, что конечная цель вроде бы и не нужна – ведь ни у одного государства, кроме разве стран, стремившихся в недавнем прошлом к строительству коммунистического общества, не было и нет конечной цели. Есть одна и основная цель – обеспечение безопасности и благосостояния своих граждан. Однако Евросоюз – не государство. Это – амбициозная развивающаяся структура нового типа, которая полностью себя еще не осознала. Ее составные элементы – Комиссия и национальные государства – имеют различные представления о характере и предназначении Евросоюза. Эти фундаментальные разногласия, осложняющие и тормозящие «технические» процессы консолидации, можно проследить на примере внутригерманской дискуссии о решении Конституционного суда по Лиссабонскому договору.

Серьезнейший упрек немецких конституционных судей в адрес Евросоюза связан с дефицитом демократической легитимации, в первую очередь со слабостью Европарламента. Сторонники «Федерального государства Европы», защищая Лиссабонский договор, указывают, что он значительно расширил компетенции Европарламента. Однако расширение компетенций этой структуры не меняет сути: Европарламент не является реальным, демократически легитимированным парламентом; «европейские партии» не являются реальными партиями, поскольку в Европе нет «европейского народа», а есть народы национальных государств – членов ЕС. Так что Европарламент состоит из «представителей народов государств, составляющих сообщество». Лиссабонский же договор представляет его как представительство «гражданок и граждан» на общеевропейском уровне, т.е. по сути пытается «ввести» «европейский народ». У Европарламента нет права законодательной инициативы. Он может воспрепятствовать принятию законов, однако лишен возможности их выдвигать. Поскольку «европейского народа» нет, то и парламент выбирается не напрямую, не по принципу равенства голосов, а на основании предусмотренного для государств числа мандатов.

Европейскую интеграцию до сих пор продвигали вперед отнюдь не на путях парламентарно-демократического законотворчества: импульсы европейскому процессу давали Комиссия и Европейский трибунал. Таким образом, европейская интеграция оказывается не продуктом воли народов Европы, а результатом работы Комиссии и судебной власти.

Общеевропейские правовые акты принимает Совет ЕС, в котором представлены члены правительств, т.е. исполнительная власть национальных государств. Этому, если можно так выразиться, исполнительно-законодательному органу не хватает основополагающего демократического элемента, присущего любой государственной демократии, любой подлинно законодательной власти – соперничества между правящими и оппозиционными силами, культуры общественно-политических дебатов. Его легитимация опосредована – представитель правительства Германии, например, может голосовать в Совете за тот или иной закон лишь в том случае, если две трети Бундестага и Бундесрата (Совета Федерации) дадут на это свое согласие.

Поэтому законы, принимаемые парламентами демократических стран – членов ЕС, той же Германии с юридической и политической точек зрения располагают значительно более сильной демократической легитимацией, нежели европейские законы. Именно поэтому любой общеевропейский договор, предполагающий существенные изменения процессов интеграции, не минуя национальные парламенты: он должен быть ратифицирован в государствах – членах ЕС и только после этого приобретет обязательную силу для них. Лишь через национальные парламенты, опосредованно такой договор получит свою демократическую легитимацию.

Однако ст. 2 Лиссабонского договора, уточняющая основные и обязательные для всех членов ценности ЕС («человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, правовая государственность и соблюдение прав человека»), в совокупности с расширением прав Европейского трибунала (который теперь будет контролировать применение союзного договора) наносит этой процедуре удар, поскольку трибунал, наблюдая за соблюдением цен-

ностей, получает возможность влиять на внутренний порядок государств – членов ЕС. Контролируя соблюдение статьи о ценностях, трибунал будет, разумеется, исходить из общеевропейской, т.е. из своей собственной интерпретации этих ценностей, в то время как в конституциях или же в законодательстве государств – членов Союза возможны иные, исторически обусловленные интерпретации (например, декреты Бенеша в Чехии).

Зная позиции трибунала, который с момента своего основания прилагал усилия для расширения компетенций общеевропейских структур и осознавал себя не просто гарантом соблюдения существующего права, а «мотором интеграции», правоведа не сомневались, что трибунал, если представится возможность вмешаться, воспользуется ею [Kirchhof]. Разумеется, трибунал состоит не из безликих брюссельских евробюрократов, а из 27 судей, каждый из которых представляет одну из стран Евросоюза. Его задача будет состоять в том, чтобы привести к общеевропейскому знаменателю 27 исторически сложившихся представлений об основных ценностях, о конституционном и правовом порядке, а также следить, как эти общеевропейски поняты ценности соблюдаются на национальных уровнях. Тем самым по сути будет предпринята попытка устранить исторически сложившиеся различия в толковании основных понятий, определяющих идентичность Евросоюза, и творить единую общеевропейскую политическую и правовую культуру «сверху», т.е. то, что необходимо Евросоюзу, если он решит стать государством.

Критикуя решение германского Конституционного суда, указавшего на недостаток демократической легитимации у Европарламента, сторонники ускоренной интеграции упрекают его в «национально-государственной интерпретации» демократии. В Евросоюзе же, т.е. в «конструкции совершенно нового рода» [Bieber], связывающей «государства и народы» во «все более тесный Союз народов Европы», и демократия должна интерпретироваться иначе. Проблема лишь в том, что никто из этих критиков не может сказать, что же представляет собой эта конструкция, а главное – хотят ли ее составные части того, что, по-видимому, хочет она в целом – из союза государств стать союзом народов и тем самым превратиться в федеративное государство Европы.

Отсутствие консенсуса в вопросах, касающихся конечной цели «проекта Европы», может иметь катастрофические последствия для процессов политической консолидации. Одни члены ЕС понимают его, в первую очередь, как рыночный проект или как прагматичное сообщество, другие – как политическую силу, третьи – как бюрократического монстра. Недостаток общей идентичности вряд ли можно преодолеть за счет создания новых институтов – для преодоления кризисов необходимы не мощные бюрократические структуры, а большие идеи. Идея, лежавшая в основе ЕЭС при его создании, исчерпала себя с окончанием конфронтации блоков и расширением Евросоюза. На нынешнем этапе успех процессов политической консолидации зависит от того, удастся ли Евросоюзу найти идею, оправдывающую его существование и развитие.

Может быть, Европа найдет новые силы в противодействии глобализации, поскольку очевидна неспособность национальных государств самостоятельно, в одиночку противостоять ей и защитить своих граждан. Обладая большим экономическим потенциалом, выдающимися достижениями в науке и образовании, Европа имеет шанс стать влиятельным актором мирового политического процесса. Однако этот потенциал должен быть оформлен институционно и наполнен духом европейской идентичности. Достигнутый уровень экономической интеграции облегчает постепенный переход к политической общности, однако этот процесс не следует форсировать, ибо в его основе лежит необходимость преодоления исторически сложившихся различий политических культур. Идентичность не создается «сверху», она вырастает постепенно. Один из отцов – основателей ЕС Жан Монне говорил: «Если бы я заново начинал создавать европейское единство, я начал бы не с экономики, а с культуры».

Литература

Погорельская С.В. ЕС: Постдемократия и популизм // *Мировая экономика и международные отношения*. – Москва, 2005а. – № 11. – С. 96–105.

Погорельская С.В. Конституция versus демократия: Проблематичные аспекты конституционного договора // *Мировая экономика и международные отношения*. – Москва, 2005б. – № 7. – С. 54–63.

Arnold H. Die EU soll nur tun, was sie kann // *Süddeutsche Zeitung*. – München, 2009. – 13. Januar. – S. 3.

Bieber R. Autistisch und selbstgerecht // *Süddeutsche Zeitung*. – München, 2009. – 20. Juli. – S. 4.

«l'Europe, c'est comme une bicyclette, lorsqu'elle n'avance pas, elle tombe». – Mode of access: <http://www.zitate-portal.com/zitate/politik/europawahl.php>

Giscard d'Estaing, Valéry. Europas letzte Chance // *Süddeutsche Zeitung*. – München, 2002. – 23. Juli. – S. 2.

Kielmansegg P. Europa braucht Grenzen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – Frankfurt a. M., 2009. – 27. Mai. – S. 4.

Kirchhof P. Demokratie in Europa // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – Frankfurt a. M., 2009. – 4. Juli. – S. 2.

Umland A. Europa und ukrainische Misere. – *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*. – Frankfurt a. M., 2009. – 1. November. – S. 3.

Zitaten. – Mode of access: <http://www.eizbistummuennen.de/EMF098/EMF0097.asp>

Консолидация Европейского союза

Л. Кюнхардт

Аннотация. Автор анализирует результаты выборов в Европейский парламент и постановление германского Конституционного суда по Лиссабонскому договору. Рассматриваются также основы европейской политической идентичности. Автор констатирует, что в ЕС достигнуто согласие по вопросам, связанным с прошлым Европы (отказ от войн, от тоталитарных режимов правления, защита прав человека, верховенство закона, демократия, рыночная экономика), но вместе с тем существуют разногласия в понимании основных ценностей, связанных с текущей европейской политикой. В заключение автор пытается определить возможности создания общей базы для решения проблем, стоящих перед ЕС в эпоху глобализации.

Abstract. The essay discusses the implications of the 2009 elections to the European Parliament. In the connotation of the links of these elections to the overall reform process of the EU author also puts the ruling of the German Constitutional Court on the Lisbon Treaty in the centre of his analysis. He broadens the perspective by discussing the basis of today's political identity in the EU that claims to be a community of values. While the EU agrees on matters related to Europe's past (no more war, no more totalitarian rule, protection of human rights, rule of law, democracy, market economy), the EU actors are divided in their understanding of major values relevant to the current agenda of European politics and societal development. Author concludes by discussing the potential for finding common ground in the challenges facing the EU today that is in the age of globalization.

Ключевые слова: Европейский союз, выборы в Европейский парламент, реформы, германский Конституционный суд, европейская идентичность, европейские ценности.

Keywords: European Union, elections in European Parliament, reforms, German Constitution Court, European identity, European values.

Выборы в Европейский парламент и их последствия

Выборы в Европейский парламент в июне 2009 г. показали следующее.

1. Институты Европейского союза (ЕС) остаются стабильными. Они способны функционировать независимо от того, будет осуществлена или нет их реформа, предусмотренная последним (Лиссабонским. – *Ред.*) договором. Более того, они демонстрируют способность к необходимому самообновлению. После десяти лет, в течение которых Евросоюз пересматривал и развивал свои договоры, он вступил в завершающую фазу институциональной консолидации. Эта фаза не отменяет развития европейской интеграции, она лишь определяет ее дальнейшее направление и скорость. Это означает, что в ближайшем будущем Евросоюз отказывается от «больших прыжков» и сенсационных проектов и переходит к постепенной консолидации, к ее институциональному оформлению.

2. Разрыв между «Европой институтов» и «Европой граждан» все еще не преодолен. Пассивность граждан в ходе выборов является подтверждением существующего разрыва, важнейшая причина которого заключается в отсутствии промежуточных структур между институтами Евросоюза и его гражданами. Седьмые по счету прямые выборы в Европейский парламент продемонстрировали необходимость введения единого европейского избирательного права и создания общеевропейских партий, которые с обязательными для всего Евросоюза программами могли бы бороться за доверие избирателей.

3. Большинство граждан ЕС, пришедших на избирательные участки, проголосовали за умеренно консервативное направление. В условиях глобального экономического и финансового кризиса избиратели высказались в пользу стабильного и предсказуемого развития Евросоюза. Антиевропейские настроения нашли отражение скорее в средствах массовой информации, чем в решении избирателей. В то же время следует заметить, что лагерь евроскептиков и тех, для кого сохранение национальной идентичности важнее развития европейской общности, консолидировался. То же произошло в стане левых сил, критически настроенных к капитализму.

Представим вкратце основные результаты выборов по странам.

Бельгия. Фламандцы дали Европарламенту тринадцать депутатов, валлоны – восемь, а немецкоязычное меньшинство – одного. Христианские демократы получили шесть мест, либералы и социалисты – по пять мест, зеленые – три, а праворадикальный Фламандский блок – два места.

Болгария. 24,5 % получила консервативная партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (Citizens for European Development of Bulgaria), а Болгарская социалистическая партия (Bulgarian Socialist Party) премьер-министра Станичева – 18,6 %, 8 % голосов получили монархисты.

Дания. Социал-демократы (Socialdemokraterne) набрали 21,5 % голосов, либеральная «Венстре» (Venstre, Danmarks Liberale Parti) премьер-министра Расмуссена – 20,2 %, Социалистическая народная партия (Sozialistisk Folkeparti) – 15,9, а Консервативная народная партия (Det Konservative Folkeparti) – 12,7 %. Новое народное движение против ЕС (Folkebevægelsen mod EU) получило 7,2 % голосов и, соответственно, один депутатский мандат.

Германия. Консервативный блок ХДС/ХСС (Christlich-Demokratische Union/Christlich-Soziale Union) получил 30,7 % голосов, социал-демократы (Sozialdemokratische Partei Deutschlands) набрали 20,8 %, Зеленые (Die Grünen) – 12,1, либеральная СвДП (Freie Demokratische Partei) – 11, а Левая партия (Die Linken) – 7,5 % голосов.

Эстония. Победителем оказалась оппозиционная Партия Центра (Eesti Keskerakond), набравшая 26,1 % голосов и получившая шесть мандатов. Партия реформ (Eesti Reformierakond) премьер-министра Ансписа и консервативная партия «Про-патриа» (Isamaa ja Res Publica Liit) получили по одному мандату.

Финляндия. Партия Центра (Kansallinen Kokoomus) премьер-министра Ванханена получила три мандата – столько же, сколько и их консервативные партнеры по правящей коалиции (Suomen Keskusta). Зеленые и социал-демократы получили по два места. Один мандат получила набравшая 10 % голосов националистическая, антииммигрантская и антиевропейская партия «Истинные финны».

Франция. Буржуазно-консервативная правящая партия президента (Union pour un Mouvement Populaire) Саркози получила 28,3 % голосов. Социалисты (Parti Socialiste) – 17, Зеленые (Europe Ecologie) – 15 %.

Греция. Оппозиционное Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) получило 36,7 %, а правящая партия «Новая демократия» (Nea Dimokratia) премьер-министра Караманлиса – 32,3 %.

Великобритания. Консерваторы (Conservative Party) получили 27,7 % голосов, Партия независимости (UK Independence Party) – 16,5, а правящая Лейбористская партия (Labour Party) – всего 15,7 %. В первый раз удалось прорваться в Европарламент и правозэкстремистской Британской национальной партии (British National Party).

Италия. Гражданско-консервативная партия (Il Popolo della Libertà) премьер-министра С.Берлускони получила 39 % голосов, Демократическая партия (Partito Democratico) левого центра – 27,5, Лига Севера (Lega Nord) – 9,5 %.

Ирландия. Оппозиционная партия «Фианна Файл» (Fianna Fail, «Солдаты судьбы») набрала 30 % голосов, а правящая партия «Фине Гэл» (Fine Gael) набрала чуть более 24 %. Небольшое количество голосов (14 %) получили лейбористы (Irish Labour Party).

Латвия. Новый гражданский союз Сандры Калниете (Pilsoniska Savieniba, Civic Union) получил 24,3 % голосов, партия русскоязычного меньшинства «Центр согласия» – 19,5 %.

Литва. Правящая Гражданская партия премьер-министра Кубилиуса получила 26 % голосов, Литовская социал-демократическая партия – 18 %. Впервые был выбран в парламент представитель польского меньшинства (Electoral Action of Poles in Lithuania).

Люксембург. Христианские демократы (Parti Chrétien-Social) премьер-министра Юнкера вновь получили три мандата, социал-демократы, либералы и зеленые – по одному мандату.

Мальта. Победителями оказались оппозиционные лейбористы (Malta Labour Party), получившие три мандата, в то время как правящая Националистическая партия (Nationalist Party) премьер-министра Гонци получили только два.

Нидерланды. Христианские демократы (Христианско-демократический призыв – Christen-Demokratisch Appél) премьер-министра Ян-Петер Балкененде получили пять из 25 выделенных нидерландцам мест. За ними следует Народная партия за свободу и демократию (Volkspartij voor Vrijheid en Democratie), важнейшая цель которой – остановить исламскую иммиграцию в Европу. Социал-демократы (Социалистическая партия, Socialistische Partij), набравшие 12,1 % голосов, оказались лишь третьими.

Австрия. Победу на выборах одержала буржуазно-консервативная Народная партия Австрии (Österreichische Volkspartei), а их партнеры по коалиции – социал-демократы (Sozialdemokratische Partei Österreichs) потеряли 10 % по сравнению с предыдущими выборами. Партия «Европа-критический список» (Liste Martin) получила 18 % голосов и 13,1 % национал-либеральная Свободная партия Австрии (Freiheitliche Partei Österreichs).

Польша. Победителями оказались умеренные буржуазные силы, группирующиеся вокруг премьер-министра Дональда Туска (Гражданская платформа, Platforma Obywatelska), набравшие почти 44 % голосов.

Португалия. Получив 8 из 22 выделенных Португалии мандатов, победу одержали социал-демократы (Partido Social Democrata), которые в этой стране относятся к числу консервативных сил, в отличие от социалистов. Радикальная левая партия увеличила число поданных на нее голосов, в отличие от правящих социалистов премьер-министра Жозе Сократеса.

Румыния. Правящие социал-демократы получили (Partidul Social Democrat Partidul Conservator) 30,8 % голосов, консервативно-либеральные силы – 29,7 %. По одному мандату получили партия венгерского меньшинства (UDMR), либералы и правозащитническая партия «Великая Румыния».

Швеция. Оппозиционные социал-демократы (Socialdemokratiska Arbetarepartiet) получили 24,6 % голосов, правящие буржуазные силы (Moderata Samlingspartiet) 18,8 %. Либералы (Folkpartiet-Liberalerna) улучшили свои позиции по сравнению с предыдущими выборами, набрав 13,6 %, а левые (Vansterpartiet) – ухудшили (5,6 %). Потерпел поражение «Молодой лист» активных противников ЕС. Интересно, что один мандат получила «Пиратская партия» (Piratpartiet) интернет-активистов, выступающих за более свободное обращение с авторскими правами в Интернете.

Словакия. Левая популистская партия Смер-СД (Sociálna Demokracia) премьер-министра Фико получила 32 % голосов и, соответственно, пять из 13 выделенных этой стране мандатов. Правая СНС (Slovenská Národná Strana) получила один мандат. Оппозиционные христианские демократы (SDKU-DS – Slovenská Demokratická a Kresťanská Únia и KDH –

Christian Democratic Movement), а также партия венгерского меньшинства (Magyar Koalíció Pártja – Strana Madarskej KoalicieSMK) получили по два мандата.

Словения. Консервативная оппозиционная партия Словенская демократическая партия (SDS – Slovenska Demokratska Stranka) получила 26,9 % голосов, а «Объединенный список социал-демократов» (Združena Lista Socialnih Demokratov) премьер-министра Пахора – только 18,5 %. Вместе четыре правящие партии набрали 48 %, а обе оппозиционные консервативные партии – 43 %. Участие в выборах (лишь 27 % имеющих право голоса) было самым низким за всю историю Словении.

Испания. Консервативная Народная партия (Partido Popular) получила 23 из 50 выделенных Испании мест в Европарламенте и опередила Социалистическую рабочую партию (Partido Socialista Obrero Español) премьер-министра Сапатеро, получившую 21 место. По одному месту получили радикальные регионал-националисты и новая партия Союз за прогресс и демократию (Unión Progreso y Democracia).

Чехия. Правящая консервативная Гражданская демократическая партия (ODS) получила 29 % голосов, социал-демократы (ČSSD) – 24, а коммунисты (KSČM) – 15 %.

Венгрия. Оппозиционная буржуазно-консервативная партия Гражданский альянс (Fiatal Demokraták Szövetsége Magyar Polgári Szövetség Fidesz) получила 56,7 %, правящие социалисты (Magyar Szocialista Párt) – 17,4, правозэкстремистская партия «Лучшие» (Jobbik Magyarországért Mozgalom The Movement for a Better Hungary) – 14,8 %.

Кипр. Оппозиционная консервативная партия Демократическое собрание (Disy, Dimokratikos Synagermos) получила 35,7 % голосов, левая Партия народного прогресса (Akel, Anorthotiko Komma Ergazomenou Laou) – 34,9 %.

Почти половина депутатов была избрана в Европарламент впервые. Единственным депутатом всех созывов Европарламента (первые выборы состоялись в 1979 г.) является немец Ханс-Георг Пёттеринг, депутат консервативной Европейской народной партии. С 2007 по 2009 г. Х. – Г. Пёттеринг занимал пост президента Европейского парламента. Новый Европарламент располагает 736 депутатскими местами, что несколько меньше, чем в предыдущем, в котором после вступления в 2005 г. в Евросоюз Болгарии и Румынии насчитывалось 785 мест. В соответствии со статутом Европарламента фракция должна насчитывать как минимум 25 депутатов из семи стран. Поскольку в новом составе парламента значительно больше депутатов, скептически настроенных по отношению к ЕС, немалое значение будет иметь согласие между такими сильными и традиционно проевропейскими партиями, как консервативная Европейская народная партия и Социал-демократическая партия. Наглядное представление о соотношении политических сил в новом Европарламенте дает приводимая ниже таблица (составлена автором по состоянию на 14 июля 2009 г. – *Ред.*).

Таблица

Европейская народная партия	265 депутатов	36,01%
Прогрессивный альянс социалистов и демократов	184	25,00%
Альянс либералов и демократов за Европу	55	7,47%
Фракция Зеленые / Свободный европейский альянс	55	7,47%
Европейские консерваторы и реформаторы	55	7,47%
Фракция Объединенные европейские левые / Северный зеленый лист	35	4,76%
Европа свободы и демократии	30	4,08%
(Независимые) Депутаты вне фракций	28	3,80%

Европарламент выигрывает от реформ европейских институтов. Лиссабонский договор распространил систему принятия решений квалифицированным большинством в Евросовете на сферы внутренней и правовой политики. Практически во всех вопросах внутренней европейской политики Европарламент расширил свои компетенции. В то же время по сути вне сферы его полномочий остаются вопросы внешней политики и политики безопасности – в этих областях процесс принятия решений по-прежнему организован таким образом, что решающее слово остается за государствами. Определенные трудности возникают у Европарламента при решении вопросов налоговой и финансовой политики. Здесь по-прежнему требуется единогласие, так что последнее слово остается за Европейским советом.

Расширение полномочий Европарламента ведет к тому, что он постепенно становится авторитетным актором европейской политики, более влиятельным и сильным, чем когда бы то ни было. Однако в широких слоях населения стран – членов ЕС Европарламент по-прежнему воспринимается в качестве второстепенного института по сравнению с Еврокомиссией и межгосударственными механизмами принятия решений. Поэтому и к выборам в Европарламент граждане стран – членов ЕС относятся менее ответственно, чем к выборам в парламенты собственных государств: они не верят, что он способен защитить их от «Брюссельского молоха», которым пугают их некоторые национальные и региональные политики.

«Политические семьи», образующие фракции в Европейском парламенте, претендуют на роль посредников между европейской политикой и ее восприятием гражданами своих государств. Однако эти претензии, несмотря на консолидацию фракций по результатам последних выборов, не реализуются в должной мере. Это показали и последние выборы. Повсюду в ЕС в ходе предвыборной борьбы в Европарламент речь шла не о «европейских партиях», а главным образом о своих, национальных партиях. Очевидно, что такая недопустимая ситуация сохранится и далее, до тех пор пока в ЕС не конституируются собственные, общеевропейские партии, которые – по образцу национальных парламентов – со своими лидерами будут в масштабах всего ЕС вести предвыборную борьбу за пост президента Еврокомиссии. В этой связи идеи о прямых выборах гражданами президента Евросоюза приобретают реальные очертания. Пока что политические элиты как Евросоюза, так и стран-членов не готовы к такому радикальному разрыву с привычной «культурой общеевропейского согласия», к политической борьбе по образцу национальных политических систем. Поэтому скорее всего процессы консолидации на нынешнем этапе развития Евросоюза будут определяться не борьбой альтернатив, а поисками консенсуса.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что Европарламент сумел найти свое место в системе принятия политических решений в ЕС. В настоящее время ни одно важное решение, ни одна значимая кадровая перестановка не предпринимаются без того, чтобы так или иначе (формально или неформально) в процесс принятия решения не был интегрирован Европарламент. Поэтому не может не вызывать удивления то, что до сих пор существует такой разрыв между реальной ролью этого общеевропейского политического актора и тем, как воспринимают его граждане стран – членов ЕС. Это обстоятельство является одной из серьезнейших слабостей нынешних процессов европейского единения. Между институтами ЕС и гражданами его стран и без того существует немалая дистанция, но по отношению к парламенту она особо вредна: ведь именно он призван представлять интересы граждан ЕС в общеевропейских структурах. В интересах общеевропейского единения разрыв между гражданами и Европарламентом должен быть преодолен как можно быстрее. Но на каких путях этого можно добиться? Быть может, не следует бояться отступить от культуры общеевропейского консенсуса и «поляризовать» общеевропейский политический дискурс, допустить в него конкуренцию различных политических позиций, моделей и представлений о будущем Евросоюза.

Немецкая специфика

Однако готовы ли к этому страны – участницы ЕС? 30 июня 2009 г. высший суд одного из самых влиятельных членов ЕС – Федеративной Республики Германии – принял решение, подтверждающее правомерность Лиссабонского договора⁴, который предусматривает масштабные реформы европейских институтов. Конституционный суд ФРГ постановил, что Лиссабонский договор в принципе не противоречит Основному закону ФРГ, но в то же время подчеркнул, что необходимо совершенствование национального законодательства в том, что касается компетенций Бундестага. В противном случае его права по отношению к европейскому уровню политики будут ущемлены и под угрозой окажется парламентская основа германской демократии. Непосредственно после этого решения в Германии начались оживленные и по большей части критические по отношению к ЕС дискуссии. Реакцию СМИ и политиков, несмотря на все кажущееся разнообразие, определяла общая мысль: наконец-то всем этим «интеграционным» фокусам положен конец! Немецкий суверенитет спасен, немецкий парламент утвердился в своих правах, «европейскому Молоху» указаны его границы, а главное – идея единого европейского супергосударства наконец-то окончательно похоронена. Конституционным судьям нельзя отказать в находчивости: усомнившись в правах Европарламента, они тонко выразили свой скепсис по отношению к нынешнему направлению европейской интеграции в целом, да к тому же еще и похвалили Основной закон, который-де соглашается с Лиссабонским договором. Как будто создатели этого закона только и имели в виду, чтобы через 60 лет измерять им новые европейские нормативы.

Реакция общественности на решение Конституционного суда была гораздо более откровенна. В Германии, как и в других странах Евросоюза, довольно широко распространен скепсис относительно так называемого «линейного» характера процессов европейского единения. Эта позиция – на уровне распространенных стереотипов – нашла отражение в печати. Подобное направление дискуссий отражает своеобразный феномен немецкой политической культуры. Всякий раз, когда разговор заходит о конечной политической цели (*finalité politique*) европейской интеграции, берет верх детерминистский подход: предполагается, что Евросоюз движется в одном направлении – к определенной и неизбежной цели. Дискуссия о *finalité politique* формирует представление, что этой целью является государство и что нынешняя Европа – некая незаконченная структура на пути к конечной цели. На такой телеологической интерпретации процессов европейского единения, т.е. по сути на стереотипе, и строят свои аргументы критики европейской интеграции. Во-первых, утверждается, что Европа не может быть государством, потому что у нее «нет государственных подданных», а во-вторых, что ей нельзя быть государством, потому что оно будет недемократичным. Отмечают, что за всю историю европейской интеграции не существовало ни одного договора, ни одного официального общеевропейского документа, где говорилось бы, что целью процессов европейской интеграции является единое государство Европы или что Европа сама придет к государственной форме, если будет последовательно идти по пути интеграции. Ни в истории ФРГ, ни в истории других государств – членов ЕС никогда не формулировалась такого рода *finalité politique*, никогда не говорилось, что конец государства и его растворение в государстве Европы – конечная цель европейской интеграции. И тем не менее критики снова и снова вменяют Евросоюзу в вину его стремление к «государственности» и на этом, чуть ли не эсхатологическом аргументе, строят свою критику, призывая положить четкие пределы процессам интеграции. На самом же деле Евросоюз от процесса поиска формы

⁴ «Лиссабонский договор», называющийся также «Договор о реформах», – то, что осталось от пресловутой «Конституции ЕС» после ее переработки. – Прим. пер.

давно уже перешел к процессу оформления содержания. У национальных, исторически сложившихся государств нет какой-то конечной, программной, заранее разработанной цели, к которой они должны стремиться или к которой их должно привести политическое развитие. Нет такой цели и у Евросоюза. Речь идет скорее о прагматическом распределении и организации интересов в системе многоуровневой власти – локальной, региональной, национальной и общеевропейской. Поэтому решение Конституционного суда – это не решение «за» или «против» Европейской федерации. Такое решение просто невозможно принять по той простой причине, что никто не знает, чем закончится развитие Евросоюза: оно является таким же открытым процессом, как и развитие государств. Прогнозировать его «конечное качество» может разве лишь тот, кто отрицает открытость, перманентную незавершенность исторического процесса. Решение Конституционного суда и тем более нелестные для ЕС интерпретации этого решения – это всего лишь вклад в дискуссию о наиболее приемлемом распределении компетенций между различными уровнями в европейской системе политической власти. Поэтому ничего особенного, судьбоносного для ЕС в этом решении нет. В Германии, как и во всех других федерациях, процесс политической власти осуществляется в рамках национального федеративного государства. И никому не придет в голову связывать споры между федерацией и субъектами федерации с вопросом о какой-то *finalité politique*, к которой Германия должна стремиться.

В этой связи нельзя не заметить, что нынешняя оживленная критика Евросоюза в Германии и в других странах-членах, концентрируясь на якобы принципиальных вопросах, в то же время не слишком углубляется в насущные, реальные вопросы его развития. Обратимся к отдельным, наиболее часто обсуждаемым пунктам.

● **Единообразие правовых нормативов.** Без *acquis communautaire*, т.е. без общеевропейских правовых нормативов, не смогла бы функционировать та система европейского Единого рынка, благодаря которой выросло благосостояние немецкого населения. Почти 60 % объема немецкой внешней торговли было направлено в страны Единого рынка. Нынешняя дискуссия о роли Европейского суда, которую пытаются превратить в фундаментальный спор о примате общеевропейского или же национального права, лишена субстанции. В каждом конкретном случае может иметь место либо обращение к компетенциям национального государства, либо же, напротив, передача этих компетенций на общеевропейский уровень – в зависимости от того, что имеет в данном случае больше смысла. Это – чисто практический вопрос, а не предмет для догматических споров о примате европейского права или же отмене такового. Урегулировать его раз и навсегда просто невозможно – ни принятием общеевропейского договора, ни решением Конституционного суда, ни реанимацией «национального парламентского авторитета». Присущие любой федеративной системе власти споры о компетенциях характерны и для Евросоюза. Поэтому неудивительно, что некоторые немецкие федеральные земли уже требуют права голоса в принятии решений на общеевропейском уровне.

● **Справедливость.** Когда речь заходит о вопросах справедливости, в немецкой дискуссии чаще всего говорят о справедливом распределении, забывая другое важное ее измерение – равенство. Типичный для Германии рефлекс, корни которого лежат в особенностях внутренней политики, переносится на Европейский союз, когда речь заходит о распределении голосов в Европейском совете или же мест, положенных стране в Европарламенте. Действительно, Германия, в которой проживает 17 % населения Евросоюза, располагает только 13 % голосов в Европарламенте. Доля Германии в общем бюджете ЕС составляет 20 %, а получает она из него всего 12 %. Слишком редко вспоминают о том, что в любой федеративной системе защита ее маленьких членов и солидарность со слабыми – предварительное условие для функционирования целого. В США, например, никому не придет в голову

ограничить Небраску в количестве сенаторов только потому, что в Калифорнии населения больше.

● **Размеры платежей.** Немецкие платежи в ЕС в расчете на душу населения составляют 87 евро. Во внутригерманской дискуссии о развитии Евросоюза нередко приходится слышать, что эта сумма завышена и что те преимущества, которые дает Германии общий рынок, экспорт и низкая стоимость банковских операций вследствие существования единой валюты, ее не компенсируют. Снова и снова приводят аргументы против «неравноправного Союза». Между тем как раз в Германии, где дискуссии о справедливости и равноправии имеют давнюю традицию, давно признано, что «уравнивание жизненных шансов», которое обещает немцам Основной закон, не может быть осуществлено на уровне «справедливости распределения» без того, чтобы не породить немыслимые расходы и бюрократизм. Кроме того, в периоды экономического спада платежи Германии в бюджет ЕС автоматически снижаются. Таким образом, ни в бюджетных вопросах, ни в распределении мест в парламенте или голосов в Евросовете нет и не может быть какого-то «антигерманского заговора». ЕС – это сложная и многоуровневая система федеративного правления акторами различной территориальной, экономической и демографической значимости. Дискутировать в этой связи можно лишь о компенсирующей справедливости, все остальное было бы иллюзорно.

● **Европейский союз.** Евросоюз – это именно союз, и было бы полезно время от времени вспоминать об этом. О «государстве Европы» не говорит никто, кроме тех, кто хочет указать ЕС на его границы или просто дискредитировать его. Будучи союзом, Евросоюз состоит из различных частей и тем самым представляет собой свободную федерацию. Спорить надо не о том, федерация он или нет, а о том, насколько децентрализованы или же, наоборот, централизованы могут быть федеральные структуры. Такие же споры определяют повседневную политическую жизнь всех федераций и союзов в мире. Однако как только об этом начинают спорить в ЕС, критики требуют прекратить «государствление» Европы. Это – чрезмерная и не совсем уместная реакция. Споры об интересах, влиянии и равновесии – неотъемлемая часть всех систем многоуровневого управления. В ЕС они ведутся как раз потому, что он не хочет, не может и не будет «государством».

Право и обязанность федерального Конституционного суда – защищать Бундестаг от возможного ослабления его демократических прав и обязанностей. Однако в бурной дискуссии, которая последовала за его решением, неплохо было бы хоть раз сказать, что для «защиты» прав Бундестага вовсе не нужен был Конституционный суд. Ведь Лиссабонский договор вводит в европейское законодательство принцип subsidiarity. Он не просто позволяет национальным парламентам проверять подготавливаемые общеевропейские законодательные акты на предмет их полезности и необходимости – он обязывает их к этому. Если германское национальное законодательство в вопросе прав и свобод перекрывает предлагаемые в ЕС общеевропейские решения, то Бундестаг может отказаться от реализации этих решений. И если бы Лиссабонский договор уже сейчас был повсеместно ратифицирован и вступил в силу, то Бундестаг был бы как раз и занят тем, что требует от него Конституционный суд. Важнейшим направлением всех реформ Евросоюза начиная с 2001 г. была работа по расширению полномочий национальных парламентов. Не Бундестаг виноват в том, что политическая роль национальных парламентов в Евросоюзе до сих пор невелика. Беда в том, что Конституционный договор в 2005 г. не был ратифицирован, а ратификация Лиссабонского договора 2007 г. шла слишком медленно. Так что решение Конституционного суда – это, по сути, аргумент в пользу ратификации Лиссабонского договора.

Решение Конституционного суда санкционирует национальное немецкое обоснование правильности субсидиарного принципа как раз в той его форме, в которой он предполагается в Лиссабонском договоре. По сути, Конституционный суд в своем выступлении за усиление роли национального парламента в процессах европейской интеграции критикует не законо-

дательные претензии ЕС, а их недостаточно четко выраженный профиль. В этой связи имело бы смысл еще раз обратиться к проблеме сбалансированности различных уровней власти в сегодняшней Европе. Следовало бы подумать не только о балансе между европейским и национальными уровнями, но и о балансе между европейскими институтами и органами защиты конституции на национальных уровнях. Снижение значимости Бундестага, о котором сейчас так много говорят, это в такой же мере следствие усиливающихся исполнительных политических процессов в Германии, как и следствие якобы чрезмерных европейских политических решений и якобы имеющего место правового абсолютизма Европейского суда.

Проблема распределения компетенций между европейскими и национальными политическими органами – это не следствие законодательских претензий ЕС, а результат дисбаланса его нынешней структуры: общий валютный союз не располагает общим правительством. «Страна евро» не является «страной» в буквальном смысле слова. Сложившаяся за 50 лет система европейских нормативов сознательно исключает этот вариант, потому что ЕС носит не государственный, а союзный характер. Однако в силу этого политический уровень в ЕС в самых важных вопросах оказывается менее развитым, нежели экономический. До тех пор пока не будут введены прямые выборы президента Евросоюза и в предвыборной борьбе в Европарламент не начнут участвовать действительно общеевропейские партии с общеевропейскими политическими программами, участие в выборах в Европарламент останется невысоким. Такая политическая перспектива является единственным выходом из тех дебатов о европейской демократии, которые возобновились после решения Конституционного суда.

Прошлое объединяет Европу

Практически все члены Евросоюза согласны в том, что именно Европе *не* нужно: ей не нужны те политические идеологии и стратегии, которые в XIX и первой половине XX в. поставили ее на грань саморазрушения: национализм и шовинизм, тоталитаризм и политическое насилие, диктатура и гегемонистские претензии. Единогласны европейцы и в том, что эти политические характеристики европейского прошлого должны быть обращены в свою противоположность: мультилатерализм, кооперацию, защиту основных прав, стремление к консенсусу и политическая умеренность. Практически все члены Евросоюза, все политические элиты согласны в том, что Евросоюз должен процветать на основе правового, демократического порядка. С тех пор как процессы интеграции уже не ограничиваются строительством европейских институтов, а стали оказывать обратное воздействие на структуры государств – членов Евросоюза, понятие «Европы совместных целей» начинает вытесняться проектом «утилитаристской Европы». Собственную выгоду противопоставляют интересам других; говоря о Евросоюзе, чаще подразумевают его границы, нежели те шансы, которые он предоставляет. Индикатором этой утилитаристской позиции являются дискуссии о финансах, начавшиеся со встречи Евросовета в 1984 г. в Фонтенбло. Возможные претензии новых восточноевропейских членов после 2004 г. дали утилитаристским рассуждениям о Европе дополнительный стимул.

Для первой декады XXI столетия было характерно интересное противоречие. С одной стороны, Евросоюз, не в последнюю очередь благодаря немецко-французскому сотрудничеству, достиг ряда впечатляющих достижений, в основе которых лежали принципы и ценности ЕС. Достаточно назвать хотя бы создание валютного союза или же расширение на Восток. С другой стороны, Евросоюз пережил ряд кризисных ситуаций, ставших следствием зауженной, национальной интерпретации ценностного фундамента ЕС: расширение права «вето» в договоре, подписанном в Ницце; релятивизация строго обязательных критериев Пакта развития и стабильности и, наконец, раскол европейцев в вопросе о войне в Ираке

– как выражение раскола атлантической цивилизации. Это противоречие сопровождало и разработку Хартии основных прав Евросоюза. С одной стороны, эта Хартия подтверждает приверженность всех членов ЕС к основным правам и свободам. С другой стороны, она отражает различные интерпретации основных классических свобод в новых технических и социологических условиях. Амбивалентной была и политическая часть Европейского конституционного договора, в которой репрезентативная и делиберативная концепции демократии были поставлены рядом, без какого-либо намека на тот конфликтный потенциал, который существует между этими двумя концепциями в силу нормативных и практических различий.

Европе не хватает привлекательных проектов на будущее, поэтому ей грозит опасность «музеевания». Эти «музейные» тенденции в жизни европейского общества имеют как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, обращаясь к прошлому, Европа укрепляет свою историческую идентичность, которая особенно значима в век глобализации. Европа снова и снова открывает свое прошлое, создавая музеи, реставрируя старинные города и деревни, публикуя исторические романы и снимая соответствующие кинофильмы. Однако, с другой стороны, общеевропейское сознание начинает давать трещину там, где вспоминаются элементы идентичности, не объединяющие, а разъединяющие европейцев, – бывшие конфликты, националистические атавизмы и т.д. Даже вопрос о роли нации соотносится с его значением для общеевропейского проекта. Служит ли национальная идентичность усилению общеевропейского, открытого миру сознания или же, наоборот, разграничению европейских обществ? Это не абстрактный вопрос – он актуален для всех членов ЕС, особенно для его новых членов. Ответ на него прост: соотносимость национальных идентичностей с общеевропейским проектом определяется теми их элементами, которые выбираются в качестве сущностных соответствующими странами.

Например, Германию, которая на сегодняшний день вплотную занялась своими регионами, нельзя назвать ни провинциальной, ни антиевропейской. Открывая заново свою историю, отказываясь концентрироваться на XX в., Германия вовсе не отрицает ужасов нацизма и, обращаясь к своим европейским корням, не стремится представить себя преемницей Римской империи. В то же время Франция, характерной особенностью политической культуры которой является гордость за свою нацию, свободна от какого-либо шовинизма. Обращаясь к средиземноморской части своей идентичности, Франция отнюдь не отказывается сотрудничать с Германией, памятуя, что именно это сотрудничество является «мотором» европейской интеграции. Идентичность хороша, когда она подчеркивает общее, когда она объединяет, а не разъединяет.

Сегодняшний день разъединяет Европу

Неопределенность общеевропейской перспективы не в последнюю очередь связана с неопределенностью понятия «сообщества единых ценностей», с которым в последние годы все чаще ассоциируется Европа. «Европа единых ценностей» – звучит красиво, но неясно. Ведь в разных странах – членах ЕС в силу исторически сложившихся особенностей политической культуры одни и те же понятия могут нести различную смысловую нагрузку. До тех пор пока в общеевропейском дискурсе не будут обсуждены различные интерпретации понятий и целей, объединяемых характеристикой «единые», до тех пор пока не будут выявлены и улажены основные противоречия, лозунг «Европы единых ценностей» может оказаться пустым. В этом, а не в так называемом «разрыве между ценностными претензиями и реальностью» европейской политики, основное препятствие на пути создания «Европы единых ценностей».

Вот несколько примеров.

- Как соотносить «Европу общих ценностей» с различными моделями социального государства? В немецком понимании слово «социальность» имеет иную нагрузку, нежели в ряде других стран, и немецкая модель социального государства отнюдь не является общей для всех членов ЕС. Различия в традициях и вариациях социальной государственности в ЕС порождают взаимное непонимание в дискуссиях, например, об этике трудовых отношений, вопросах производства, экономических факторах. Для одних понятие «человеческий капитал» – это символ антигуманной экономики, а для других это же понятие является ключевым в вопросах прогресса и улучшения благосостояния. Различные интерпретации социальной модели влияют и на установки по отношению к процессам глобализации.

- Как соотносить «Европу общих ценностей» с исторически сложившимися различиями в интерпретации понятий «супружество» и «семья» – понятий, лежащих в основе Хартии основных прав Евросоюза? То же самое можно сказать о классических морально-этических вопросах, например о начале и конце человеческой жизни (аборты, эвтаназия), об этических аспектах медико-технического прогресса, о значении супружества для воспитания детей.

- Как соотносить «Европу общих ценностей» с различными позициями по отношению к религии? Причем речь идет не столько о противоречиях между представителями различных монотеистических религий, сколько о принципиальных различиях в вопросе о ее роли в общественной жизни – между лаицистами и теми, кто требует интеграции религиозных норм в общественную этику. Достаточно указать на непримиримые споры о праве на религиозное воспитание или о присутствии религиозных символов в учебном процессе.

- Как соотносить «Европу общих ценностей» с различными интерпретациями «защиты окружающей среды»? Одни убеждены, что спасение человечества – в сохранении естественных условий его обитания, другие понимают эту «защиту» прагматически, что не исключает возможность разумного использования и преобразования окружающей среды. Конкретный пример – различные позиции в вопросах о будущем атомной энергетики.

- И наконец, как соотносить «Европу общих ценностей» с различными позициями в вопросах, касающихся отношения к иммигрантам в странах – членах ЕС и к возрастающему давлению миграционной «волны» на приграничные страны Евросоюза? Даже там, где функционируют европейские институты, но невелика доля «европейцев», от мигрантов вряд ли можно ожидать ориентации на ценностную модель «Европы». В Евросоюзе не существует единых позиций в вопросе, как обходиться с растущим числом иммигрантов, и в том, какое значение иммиграция имеет для Евросоюза. Расхождения отнюдь не маловажные, если учесть, что в ряде стран ЕС усиливается эмиграция коренного населения, причем за рубеж уезжают хорошо образованные, динамичные люди.

До тех пор пока Евросоюз, называя себя «сообществом общих ценностей», не преодолеет существенных расхождений, более того, конфликтов в вопросах интерпретации этих ценностей, он вряд ли будет в состоянии разработать новый большой общеевропейский проект. Это касается как социально-этических вопросов внутреннего развития в ЕС, так и его профиля на мировой арене. Быть может, уместно было бы передать решение этих вопросов политическим партиям, которые могли бы – на основании собственных программ – вынести в предвыборную борьбу собственную интерпретацию европейских ценностей, целей, интересов, предоставив гражданам Евросоюза право решать, на какие партии возложить ответственность за решение названных проблем.

Более 50 лет важнейшим *raison d'être* процессов европейского единства было обеспечение мира. «Не допустить войны в Европе» – этот идеал объединял всех европейских граждан независимо от их политических позиций. Ныне эта цель достигнута, и Евросоюзу, очевидно, нелегко найти новую, мобилизующую всех европейцев идею. Можно было бы обосновать необходимость дальнейшей интеграции указанием на возможные последствия

глобализации. При этом следовало бы отметить, что Евросоюз – это наиболее успешный проект европейской истории: он объединил континент, сохранив при этом его многообразие. Что же касается будущего, то Евросоюзу необходимо обосновать смысл и необходимость дальнейшей интеграции. Иначе он не сможет воодушевить новые поколения граждан, и пропасть между европейскими институтами и гражданами ЕС будет продолжать расширяться, а популисты станут еще популярнее. Европейское единство не изменило культуры континента, но решающим образом преобразовало его политическую культуру. Именно в силу этого ЕС называют «Сообществом единых ценностей». Однако это сообщество должно найти новую позитивную цель. Европа должна быть в состоянии не просто участвовать в процессах глобализации, но и быть одной из определяющих эти процессы сил. Чтобы быть готовой к этому, ей необходимы дальнейшие преобразования.

В качестве «Сообщества единых ценностей» Европа начинает играть свою, особую роль в глобализирующемся мире. Совместная внешняя политика и политика безопасности все еще находятся в процессе становления, но интересы этой политики уже реализуются. Евросоюз оказывает огромную помощь в развитии странам Третьего мира. Модель региональной интеграции становится примером для подражания во многих регионах мира. Изменился имидж Европы. Это давно уже не имперская, колониальная и агрессивная Европа, а континент равновесия, диалога, партнерства, регион стабильности, свободы, благосостояния.

В такой ситуации Европа не может оставаться чисто технократической. Больше, чем когда бы то ни было, значение приобретают универсальные, общечеловеческие нормы и ценности, за которые она выступает. Евросоюз должен быть в состоянии представлять эти универсальные нормы и ценности в диалоге с другими регионами мира, с другими культурами и религиями. Это – отнюдь не неоимпериалистическая уловка. Наоборот, опыт европейской интеграции – опыт достижения мира, свободы, правопорядка и благосостояния – популярен во многих регионах мира. Защита достоинства отдельной личности – тот базис, на котором зиждется универсалистское предопределение Европы. Парадоксально, но сама Европа при этом склоняется скорее к провинциальности. Значительная часть Европы относится скептически к возможностям универсализации своих ценностей. Например, как раз в религиозном отношении Европа является в значительной степени секуляризированной. Между тем именно религия составляет важнейший духовный потенциал любой высокоразвитой культуры. Другие культуры и континенты, в том числе США, как христианский континент, стараются связать религию с современными процессами мирового развития. В Европе же адаптация религии к новым условиям происходит гораздо труднее. Однако тем самым она «хоронит» важнейшую предпосылку для универсального распространения своих норм и ценностей. Континент, который не верит в свои ценности, не способен убедить в них других. Иными словами, проповедь базирующихся на христианской религии ценностей будет неубедительной, ибо этой проповеди не хватит реальной христианской веры. До тех пор пока это противоречие не будет устранено, претензии ЕС на политический универсализм останутся тщетными, а их ценностный фундамент – безжизненным.

Будущее обязывает?

Новый законодательный период Европарламента и Еврокомиссии совпадает с периодом институциональных преобразований Евросоюза. Важнейшим ориентиром для европейских институтов остаются слова президента Еврокомиссии Жозе Эмануэла Баррозу: «Европа должна стать Европой результатов». Этим, однако, еще ничего не сказано о стратегическом замысле принятых решений, которые выполняются, потому что есть желание «достичь результата», но которые, возможно, не обладают необходимым и долгосрочным стратеги-

ческим эффектом. В вопросах дальнейшего развития европейского общества Евросоюзу нужна новая, широкая дискуссия стратегического характера.

В первую очередь, для этого необходимо ясное представление о том, каким должно быть единое европейское общество. Между тем такого представления не существует не только у большинства членов ЕС, но и на общеевропейском уровне. Нет единого представления о человеке, о личности – поэтому нет и фундаментальных основ для построения концепции общеевропейского общества.

Скорее всего, дискуссии о концепциях развития общеевропейского общества будут вестись по следующим трем направлениям:

- концепция образования и представления о будущем;
- определение понятия «собственность» и упорядочение режима свободы;
- вопросы об открытости общества, общественно-политическом многообразии, а также определение понятия «солидарность».

1. Дискуссия об образовании, проходившая в Европе в последнее десятилетие, концентрировалась, в первую очередь, на формальных аспектах, в частности на том, чтобы – на чисто бюрократическом, шаблонном уровне – подвести под общий знаменатель процессы школьного и высшего образования. PISA-дискуссии о школьных системах и Болонский процесс в системе высшего образования положили начало уравниловке. Широкой дискуссии о содержательных аспектах образования до сих пор не состоялось, вместо нее ведутся споры о дидактических моментах образовательного процесса. О содержательной, нормативной и воспитательной стороне школьных и вузовских занятий споры если и ведутся, то крайне расплывчато. Европейская образовательная система до сих пор исходит из постулата, согласно которому образование является общественным благом. И поскольку люди учатся для общества, государству виднее, какие специальности и какие дисциплины необходимы обществу. Тем самым вся образовательная система бюрократизируется и лишается живой души. Значительно эффективнее выглядит англосаксонская, прежде всего американская, система, по крайней мере в ее элитном секторе. Только этим можно объяснить массовую утечку мозгов из Европы за океан. Число европейских школьников и студентов в США постоянно увеличивается. Растет и число тех, кто, получив образование в США, там и остается. Так, до 80 % европейских докторантов в США после получения ученой степени не возвращаются на родину. Европа, до сих пор остающаяся притягательной силой для многих людей из России, Африки или бедных регионов Азии, в свою очередь, превращается в экспортера «мозгов», прежде всего в США.

В основе этого тренда лежит проблематичное, но в то же время редко проблематизируемое понимание образования в ЕС. Если образование и дальше будет интерпретироваться как общественное, а не как индивидуальное достояние, оно и далее будет терять свою консолидирующую социальную функцию. В Европе все больше частных школ, а пропасть между теми, кто может позволить себе «бежать из системы», и теми, кто вынужден оставаться в ней, растет. Евросоюз – это небольшое, тесное пространство, чье благосостояние и стабильность зависят от способности оптимально использовать собственные духовные ресурсы, поэтому тема образования крайне важна для будущего Европы.

2. В европейских дискуссиях о причинах и следствиях начавшегося в 2008 г. мирового экономического и финансового кризиса просматривались две основные линии. Одни говорили о сбое рыночных механизмов и требовали усиления государственного вмешательства, отводя при этом координирующую и регулирующую роль Евросоюзу. Другие (очевидное меньшинство) считали, что причина кризиса кроется в несостоятельности государства. Сторонники этой точки зрения признают необходимость использования механизма регулирования и юридических санкций, но не для расширения полномочий государства, а для укрепления рыночных механизмов. Они возражают против усиления роли национального

государства, если это будет связано с ростом государственного долга и посягательством на основы рыночного хозяйства. Они выступают против политики огосударствления, призывают к сокращению государственных субсидий, не одобряют протекционистских мер и стремления во имя социальной справедливости и сохранения рабочих мест ограничить банкротства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.